

С. Г. ДЕМЬЯНЧУК, В. А. НЕССЕЛЬ

РОЛЬ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ «ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА» (ОТКРЫТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА)

С кон. XVIII в. памятники древности юга России становятся объектом повышенного внимания со стороны ученых и просвещенных общественных деятелей, равнодушных к историческому прошлому этого края. Насколько велик был такой интерес и актуальны проблемы, возникавшие на пути исследования и сохранения вновь открытых памятных мест, позволяет судить создание в 1839 г. Одесского общества истории и древностей. С самого начала существования Общества главным направлением в его деятельности явилось изучение истории южной России, и, прежде всего, Крыма, как «в особенности известного древним писателям и изобилующего более чем другие страны Новороссийского края памятниками, достойными исследования» (Летопись общества... 1844: 571). С момента присоединения Крыма к России среди деятелей отечественной науки проявляется интерес к остаткам древних сооружений вокруг недавно основанного Севастополя. Первый среди российских ученых, кто посетил эти места и составил о них подробный научный отчет, с указанием природных, климатических, геологических и исторических особенностей, был академик П. С. Паллас.

В «Путешествии по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг.» впервые была сделана попытка соотнести увиденные автором руины с текстами древних писателей, а именно с описанием этой территории известным античным географом Страбона. Особое внимание П. С. Палласа привлекли сведения из VII книги «Географии» Страбона (I в. до н. э. — I в. н. э.), в которых перечислялись достопримечательности Юго-Западного побережья Крыма и упоминались загадочные развалины «древнего Херсонеса»:

«... далее в прибрежном плавании выдается на юге большой мыс, который есть часть всего полуострова, на котором основан город Ираклийцев, переселенцев из Ираклии, что в Понте, называемый также Херсонисом, имеющий расстояния в прибрежном плавании от Тираса 4400 стадий, в котором храм Девы, какого-то божества, именем

которой называется и мыс находящийся перед городом в 100 стадиях, и называемый Парфенион, на котором храм и статуя божества. Между городом же и мысом три бухты, за которыми древний Херсонис, разрушенный до основания и за ним бухта с узким входом, вокруг которой Тавры, скифское племя, имели разбойничий притон, основанный для нападения на приплывающих для спасения в бухту, которая называется залив Символов...» [Strabo VII. 4. 2] (Юргевич, Маркопуло 1877: 82–90).

Интерес вызывало не только упоминание о некоем «древнем Херсонесе», находящемся в стороне от другого античного города с таким же названием, но и примечательная подробность из военной истории Херсонеса, а именно — осада его скифами во времена Диофантовых войн:

«... На расстоянии 15 стадий от стены херсониситов есть мыс, образующий большой залив, который имеет направление к городу. Выше этого залива находится озеро, из которого добывается соль. Здесь же и Ктенус. Воины царские, будучи осаждены скифами, чтобы противустоять, поставили на сказанном мысе гарнизон, огородив место это каменной стеною, и запрудив устье залива до самого города, так что легко было по нем пройти в город, составлявший с крепостью так сказать одно целое. Этим способом им легко было отбиться от скифов, так как скифы, осаждая стену, сооруженную на перешейке, близ Ктенуса, бросали в ров тростник, чтобы по нем пройти, то царские воины запруженную часть рва днем сожигали ночью и сопротивлялись им до тех пор, пока победили...» [Strabo VII. 4. 7].

Тщательно изучив топографию Гераклеяского полуострова и учитывая конкретные географические привязки, указанные Страбонам, П. С. Паллас локализовал местоположение «древнего Херсонеса» на территории Маячного полуострова, уделив особое внимание изучению развалин крепостных стен и башен на перешейке. Он указал две параллельные стены, пересекающие перешеек, и приложил план одной из башен, расположен-

ной на острове в Казачьей бухте (Паллас 1881: 102–103). Характеризуя внутреннее пространство между стен, Паллас отмечает разделение его на квадраты, и предполагает наличие здесь места для жилых домов, улиц и площадей. В непосредственной близости от городских стен, по мнению ученого, должны были располагаться общинные сады или пастбища и кладбища (Паллас 1881: 104). Что касается стены Херсонеса, осаждавшейся скифами, то Паллас поместил ее на огромном пространстве между Севастопольской и Балаклавской бухтами; более того, в своих наблюдениях он ясно указал на виднеющиеся там руины, с остатками башен (Паллас 1881: 97).

После публикации результатов исследований П. С. Палласа в 1801 г. на немецком языке (Pallas 1801) эта информация, подтверждавшая правоту исторического источника, всколыхнула отечественный научный мир, вызвав массу вопросов и породив многолетнюю дискуссию. Обсуждению подвергалось каждое слово Страбона и каждый географический пункт, им указанный. Причем предметом самых горячих споров стала не локализация Херсонеса — колонии гераклеотов, расположенного в современной Карантинной бухте, а упомянутый древний Херсонес, лежащий в развалинах, и некая осада, имевшая место во времена Диофантовых войн. Наиболее яркая полемика разгорелась в Одесском обществе истории и древностей. Гипотезы, рассуждения, аргументы «за» и «против» Страбона и Палласа, высказанные активными участниками этого научного спора, в течение многих десятилетий публиковались в «Записках» Общества¹. Кстати, нужно отметить, что издание труда П. С. Палласа на русском языке впервые появилось именно здесь, на страницах «Записок Одесского общества и истории и древностей» в 1881 г. (Паллас 1881: 62–208).

Одним из первых деятелей Общества, уделивших свое внимание памятникам Гераклейского полуострова, был З. А. Аркас. В 1848 г. во 2 томе «Записок» вышло его «Описание Ираклийского полуострова и древностей его» (Аркас 1848: 245–271). Вслед за П. С. Палласом, З. А. Аркас также склонен был считать, что херсонесская стена перегораживала весь Гераклейский полуостров от Балаклавы до Инкерamana и имела длину 40 стадий (Аркас 1848: 246–247). Подробно останавливаясь на истории Херсонеса, Аркас высказал предположение, что из-за более

выгодного местоположения жители покинули «древний» город, находившийся в западной части Гераклейского полуострова, и построили «новый» Херсонес возле Карантинной бухты. Это событие он отнес к 65 г. до н. э. (Аркас 1848: 247). По Аркасу, «древний Херсонес», основанный за несколько столетий до н. э., занимал территорию от Херсонесского маяка до Георгиевского монастыря. Неоднократно упоминая о том, что город был разрушен в далекие времена, автор «Описания» перечисляет известные ему памятники древности, находящиеся на этом пространстве, принимая их за остатки «древнего Херсонеса» (Аркас 1848: 246–247, 259–264).

Точка зрения З. А. Аркаса о местоположении «древнего Херсонеса» подверглась критике со стороны Ф. К. Бруна, чья обобщающая работа, состоявшая из опубликованных в 50-х гг. XIX в. и позднее доработанных статей, появилась в 1879 г. (Брун 1879: 60–71). Изучая топографию Гераклейского полуострова, он пришел к выводу, что под указанным Страбоном мысом Парфением следует считать не мыс Херсонес, о чем писали Паллас, а вслед за ним Аркас, а мыс Фиолент. Для подтверждения своей мысли Брун обращается к описанию этой местности, составленной Палласом, обращая при этом особое внимание на находящиеся здесь, на обрыве скалы (в современной Мраморной балке), развалины прямоугольной постройки (Ср.: Паллас 1881: 99–100; Брун 1879: 60–63). В этих руинах Брун предлагает видеть остатки храма Ифигении, или Девы, указанный Страбоном (Брун 1879: 62). Тогда место, где мог находиться «древнейший Херсонес», надо искать между Георгиевским монастырем и Балаклавой. Несмотря на то, что природа здесь не располагает выгодными для поселенцев факторами, а именно — отсутствует удобное место для подхода и причаливания кораблей (обрывистые склоны высотой около 200 м), Брун все же считает возможным разместить здесь город. Впрочем, далее он сам указывает на то, что отсутствие гавани могло послужить главной причиной оставления, а, впоследствии, и разрушения города (Брун 1879: 63). Что касается осады города скифами во времена Митридата, то Брун связывает ее с историей «нового Херсонеса», принимая за перешеек расстояние между Южной и Балаклавской бухтами (Брун 1879: 69).

В это же время, в 70-х гг. XIX в., в период становления и формирования российской историко-географической науки и зарождения основ современной археологии, начинается новый виток в истории о «древнем Херсонесе». Немногим

¹ Авторы не ставили своей целью составление подробной историко-географической справки о «древнем Херсонесе» [об этом см.: Щеглов 1994: 8–16]. Нашей задачей было передать отношение к этому вопросу, возникшее в кругах Одесского общества истории и древностей и способствовавшее началу археологического изучения памятника.

раньше выхода в свет указанной работы Ф. Бруна, в 1877 г. в 10 томе «Записок» появляется русский перевод VII и XI книг Страбона, с примечаниями, выполненный В. Н. Юргевичем и А. Маркопуло (Юргевич, Маркопуло 1877: 75–100). В комментариях к отрывку, касающемуся Херсонеса, читаем: «Древний Ираклийский Херсонес тянулся ближе к мысу сего имени [*т.е. Херсонесскому* — С. Д., В. Н.]. Херсон Византийский устроился из следов древнего, у ближайшей к рейду бухты, ныне Карантинной» (Юргевич, Маркопуло 1877: 82).

В 12 томе ЗООИД В. Н. Юргевич уже более подробно останавливается на проблеме, связанной с «древним Херсонесом», особенно — на дате его разрушения (Юргевич 1881: 1–48). Исходя из исторической ситуации в конце I в. до н. э. в Крыму, Юргевич подвергает критике мнение о гибели города при Митридате; по его убеждению, «древний Херсонес» должен был быть разрушен гораздо раньше этого времени. В качестве одного из аргументов он ссылается на молчание античных, особенно римских, писателей об этом событии, из которых никто, кроме Страбона, не упоминает о «древнем Херсонесе» и его судьбе. Если бы гибель города произошла после смерти Митридата, то Страбон, путешествуя по этим местам в 20-х гг. I в. н. э., наверняка бы знал об этом подробнее. Более того, за такой короткий срок (с середины I в. до н. э. до первых десятилетий I в. н. э.) покинутый город вряд ли смог бы превратиться в полнейшие развалины, о которых писал Страбон (Юргевич 1881: 2–3). И, далее, доказывая, что описываемая Страбоном осада могла происходить только у стен «нового» Херсонеса, Юргевич высказывает сомнение, что «древний Херсонес» вообще мог располагаться в западной части Гераклейского полуострова. По его мнению, находимые здесь следы построек следует связывать с деятельностью жителей «нового Херсонеса» (Юргевич 1881: 3). Однако чуть ниже, он все-таки допускает возможность краткосрочного существования «древнего города», разрушенного таврами вскоре после его основания, в далекие от Митридата времена (Юргевич 1881: 4).

Несмотря на постоянный интерес, будораживший умы ученых на протяжении столетия, с момента путешествия П. С. Палласа, к концу XIX в. вопрос о «древнем Херсонесе» оставался открытым. Более того, именно к этому времени относится наиболее жаркая дискуссия по данной теме, которая велась в кругах Одесского общества истории и древностей. Этот научный спор, подкрепленный данными археологического изучения Херсонеса и его окружи, связан, прежде всего, с именами А. Л. Бертье-Делагарда и Э. Р. фон Штерна.

В 1888 г., в 14 томе ЗООИД А. Л. Бертье-Делагард опубликовал часть обширного сочинения «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма» (Бертье-Делагард 1888: 166–279). Отдавая должное своим предшественникам, оставившим описание этой местности, Бертье-Делагард указывает на необходимость современного подхода к изучению находящихся здесь памятников, и, прежде всего, на тщательную их фиксацию на местности, с использованием имеющихся на тот момент технических средств. Выполненные таким образом чертежи, по мнению автора, избавят исследователей от ошибок, к сожалению, возможных при «кабинетных изысканиях» и помогут найти верное решение при построении научных гипотез (Бертье-Делагард 1888: 166–169). Объясняя свое стремление к подробному картографированию этой территории, Бертье-Делагард обращается к опыту З. А. Аркаса, которому «не хватало строительного умения, отчего простые ограды изображались как остатки зданий, а самые существенные части этих последних и в особенности в стенах древних крепостей оставлены без внимания...» (Бертье-Делагард 1888: 169). Однако заявленного для сравнения его собственного описания памятников Гераклейского полуострова, с подробными указаниями и размышлениями автора любопытный читатель не находит. В публикацию вошли только сведения о памятниках древности Балаклавы и Инкермана; впрочем, хотя уже здесь мы встречаем интересующее нас мнение Бертье-Делагарда о древней херсонесской стене, расположенной на перешейке между бухтами (Бертье-Делагард 1888: 263–279). Продолжение этих изысканий, посвященное целиком «Древнейшему Херсонесу по Страбону и раскопкам», вышло в свет несколько позже, ... спустя 17 лет (Бертье-Делагард 1907: 177–207).

Обращает на себя внимание форма, которую избирает Бертье-Делагард для этой работы: в первой ее части он излагает свое представление о местоположении «древнего Херсонеса», а также загадочной стены на перешейке, упомянутой Страбоном, уделяя особое внимание тонкостям военного дела, в данном случае — возведению фортификационных сооружений; во второй части статьи автор ведет своеобразную дискуссию со своими оппонентами, и, прежде всего, с Э. Р. фон Штерном, опровергая буквально каждое положение его исторических построений (Бертье-Делагард 1907: 177–207). Чтобы лучше разобраться в сути этой полемики, мы предлагаем вначале обратиться непосредственно к гипотезе Штерна

о «древнем Херсонесе», которую так тонко и обстоятельно подверг критике Бертье-Делагард.

В своем докладе, прочитанном в 1896 г. на 296 заседании Общества, Э.Р. фон Штерн высказал сомнение в правильности показаний Страбона о «древнем Херсонесе» (Штерн 1896: 99–104). Основываясь на данных новейших археологических раскопок Херсонеса, Штерн пришел к выводу, что древнейшее греческое поселение располагалось на берегу Карантинной бухты. К такому результату его привело, прежде всего, внимательное изучение уже открытого к тому времени участка оборонительной стены, ее направление и способ кладки, а также наблюдения, сообщенные заведующим раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Не называя дату возведения стены, Штерн склонен считать, что она ограждала самый древний город; для подтверждения своей мысли о том, что именно здесь и находился «древнейший Херсонес», он приводит целый перечень находок предметов «древнегреческого быта», датируемых IV–III вв. до н.э., а некоторых — и началом IV в. до н.э. (Штерн 1896: 102–103). Не отвергая, все же, целиком сведения Страбона, Штерн предполагает, что древний географ мог ошибиться, и указанные им развалины, находящиеся в некотором отдалении от Херсонеса, принадлежат не «древнейшему городу», а одному из его укрепленных мест (τείχη) (Штерн 1896: 104).

А.Л. Бертье-Делагард, напротив, верит каждому слову Страбона, более того, восхищается предельной тщательности его описания, о чем не раз говорит на страницах уже упоминавшейся публикации (Бертье-Делагард 1907: 177–207). Чтобы проиллюстрировать данные источника, он предлагает читателю, даже никогда не бывавшему в Юго-Западном Крыму и не знакомому с его топографией, совершить по прилагаемой карте воображаемое морское путешествие из Херсонеса в Карантинной бухте, на запад, вдоль береговой линии, пользуясь для этого координатами и единицами измерения, указанными Страбоном. Тогда получается, что все пункты, имеющиеся в известных отрывках из «Географии», в точности совпадают с теми, что можно и сейчас наблюдать на местности (Бертье-Делагард 1907: 177–180). Это касается и тех развалин на Маячном полуострове, которые Страбон называет «древним Херсонесом», а Бертье-Делагард, в свою очередь, доказывает, что античный географ был прав и решительно возражает против того, чтобы видеть в них одну из принадлежавших городу крепостей (Ср.: Бертье-Делагард 1907: 190–191; Штерн

1896: 104). По его мысли, «древний город» только там и мог находиться; здесь же, у стены, перегораживавшей перешеек между Казачьей бухтой и морем, и разыгрывалась неоднократно уже упоминавшаяся осада (Бертье-Делагард 1907: 180–190). Как на сохранившуюся часть древней плотины, о которой говорится у Страбона, Бертье-Делагард указывает на островок в верховье бухты, тот самый, на котором еще Паллас зафиксировал остатки башни (Ср.: Бертье-Делагард 1907: 187; Паллас 1881: 102–103). Что касается времени основания «древнего Херсонеса», и других, известных по источнику, событий, то Бертье-Делагард выдвигает следующую оригинальную идею. Согласно ей, Херсонес, расположенный на Маячном полуострове, возник в конце V — начале IV вв. до н.э.; вскоре жители города начали осваивать окрестные земли, и уже к III в. до н.э. возникло греческое поселение у Карантинной бухты, куда постепенно и перебралось население Херсонеса после осады, состоявшейся ок. 115–110 гг. до н.э. (Бертье-Делагард 1907: 201–205).

Выявить истину в этом сложном вопросе можно было только благодаря археологическому исследованию памятника, планомерные раскопки которого начались в 1890 г., причем научное руководство было возложено на А.Л. Бертье-Делагарда и Н.П. Кондакова; проведение собственно полевых работ осуществлялось К.К. Косцюшко-Валюжиничем². Однако сведения, полученные в результате полевых работ конца XIX–начала XX вв., так и остались не опубликованными в полном объеме. Дальнейшая судьба памятника оказалась печальной: еще с середины XIX в. местные жители стали разбирать на камень древние стены и башни, а с 1911 г. здесь началось строительство мощной береговой батареи, практически уничтожившее античное укрепление (Щеглов 1994: 12–16; здесь же собраны сведения о дореволюционных исследованиях укрепления на перешейке Маячного полуострова). Тем не менее, информация, почерпнутая из ранних полевых исследований на Маячном полуострове, а также данные современного археологического изучения поселения на перешейке позволяют приблизиться к разгадке этой запутанной истории и ответить на вопрос: «Так что же такое «древний Херсонес» Страбона?» (Николаенко 2004: 200).

Как показала практика, античное поселение на перешейке Маячного полуострова возникло на рубеже первой-второй четвертей IV в.

² Первые раскопки на территории памятника состоялись еще в 1845 г., когда В.И. Барятинский исследовал часть островка в Казачьей бухте [См.: Щеглов 1994: 12].

до н.э. (Ср.: Жеребцов 1985: 38; Щеглов 1994: 11). Таким образом, практически подтвердилась датировка Бертъе-Делагарда, который, правда, несколько удрежнял это событие, относя его в конец V-начало IV вв. до н.э. (Бертъе-Делагард 1907: 205). Городище, площадью ок. 17,5 га, занимало пространство между двумя рядами крепостных стен, а не всю территорию Маячного полуострова, как считал Бертъе-Делагард (Бертъе-Делагард 1907: 197–198). По мнению А. Н. Щеглова, проделавшего колоссальную работу по изучению фортификационных сооружений на основании сохранившейся документации первых полевых работ, проводимых здесь в начале XX в., а также его собственных наблюдений, укрепление на перешейке прекратило свое существование в конце IV-начале III вв. до н.э. На основании комплексного анализа всех имеющихся данных о пространственной организации земледельческой округи Херсонеса, Щегловым была высказана мысль, что крепость на перешейке являлась самостоятельной единицей, которая в результате произошедших в это время в государстве политических перемен, а именно гражданской смуты, приведшей к смене государственного строя, была разрушена и заброшена (Щеглов 1994: 16–40). Это предположение напрямую перекликается с гипотезой Э.Р. фон

Штерна, считавшего, что описанные Страбоном развалины принадлежат одному из херсонесских укреплений (Штерн 1896: 104).

Археологическими раскопками, в настоящее время проводимыми на территории городища, зафиксированы следы горения на отдельных участках, относящегося к концу IV-началу III вв. до н.э. Эти данные подтверждают факт, что в это время здесь разворачивались какие-то конфликтные события, возможно, связанные с той ситуацией внутри государства, в результате которой появилась Херсонесская Присяга (Щеглов 1994: 40). Однако поселение продолжало существовать и после, до конца II в. до н.э. (Щеглов 1994: 11; Николаенко 2004: 200; Демьянчук, Николаенко, Петроковский, Олтаржевский 2005: 438–446).

Таким образом, время показало, что оба выдающихся деятеля Одесского общества истории и древностей были правы. Несмотря на кажущиеся на первый взгляд расхождения в точках зрения А.Л. Бертъе-Делагарда и Э.Р. фон Штерна о «древнем Херсонесе» Страбона, они еще более века назад были близки в своих догадках к тому результату, которые дало современное археологическое изучение античного поселения на перешейке Маячного полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

- АРКАС З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его // ЗООИД 2. — Одесса, 1848: 245–271.
- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД 14. — Одесса, 1888: 166–279.
- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК 21. — 1907: 177–207.
- БРУН Ф. К. К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова. Черноморье // Сборник исследований по исторической географии южной России. I. — Одесса, 1879: 60–71.
- ДЕМЬЯНЧУК С. Г., НИКОЛАЕНКО Г. М., ПЕТРОКОВСКИЙ А. И., ОЛТАРЖЕВСКИЙ Г. А. Монетные находки из античного поселения на Западном берегу Казачьей бухты // Сугдейский сборник 2. — Киев-Судак, 2005: 438–446.
- ЖЕРЕБЦОВ Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА 182. — 1985: 38–45.
- Летопись общества, с 1839 по 14 ноября 1843 года // ЗООИД 1. — Одесса, 1844: 565–592.
- НИКОЛАЕНКО Г. М. Хора Херсонеса Таврического // Античные памятники Крыма. — Киев, 2004: 193–220.
- ПАЛЛАС П. С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД 12. — Одесса, 1881: 62–208.
- ШТЕРН Э. Р. О месте нахождения древнего Херсонеса // ЗООИД 19. — Одесса, 1896: 99–104.
- ЩЕГЛОВ А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь, 1994: 8–42.
- ЮРГЕВИЧ В. Н. Псифисм древнего города Херсониса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата-Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонисцев от владычества скифов // ЗООИД 12. — Одесса, 1881: 1–48.
- ЮРГЕВИЧ В. Н., МАРКОПУЛО А. Страбона «Географии» книги VII и XI с греческим текстом, русским переводом и примечаниями // ЗООИД 10. — Одесса, 1877: 75–110.
- PALLAS P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalter-Schaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. — Leipzig, 1801.

С. Г. Демьянчук, В. А. Нессель

РОЛЬ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ В ИЗУЧЕНИИ «ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА» (ОТКРЫТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА)

РЕЗЮМЕ

Статья освещает полемику середины — второй половины XIX в. в Одесском обществе истории и древностей в связи с началом изучения Херсонеса Таврического и памятников его округа. Наиболее спорным оказался вопрос в локализации так называемого «древнего Херсонеса», упоминаемого в «Географии» Страбона. Высказывались различные версии соотнесения этого укрепления с археологическими объектами в окрестностях Севастополя. Сначала П. С. Паллас, а вслед за ним З. Аркас пытаются локализовать «древний Херсонес» на мысе Херсонес на территории Маячного полуострова. Позднее Ф. К. Брун предложил перенести место поиска на участок береговой ли-

нии между Георгиевским монастырем и Балаклавой. С именами Э. Р. фон Штерна и А. Л. Бертье-Делагарда связана наиболее острая дискуссия на страницах «Записок» Общества. Современные археологические раскопки укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова подтвердили, что памятник был основан в начале IV в. до н. э., как предполагал А. Л. Бертье-Делагард. Среди исследователей, занимающихся изучением этого объекта в 80х–90х гг. XX в. и в наши дни, доминирует гипотеза, что укрепление на перешейке Маячного полуострова являлось одной из принадлежавших Херсонесу крепостей, что еще в начале XX в. доказывал Э. Р. фон Штерн.

С. Г. Дем'янчук, В. О. Нессель

РОЛЬ ОДЕСЬКОГО ТОВАРИСТВА ІСТОРІЇ ТА СТАРОЖИТНОСТЕЙ У ВИВЧЕННІ «СТАРОДАВНЬОГО ХЕРСОНЕСА» (ВІДКРИТТЯ ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕННЯ НА ПЕРЕШІЙКУ МАЯЧНОГО ПІВОСТРОВА)

РЕЗЮМЕ

Стаття освітлює полеміку середини — другої половини XIX ст. в Одеському товаристві історії та старожитностей у зв'язку з початком вивчення Херсонеса Таврійського та пам'яток його околиць. Найбільш суперечним виявилось питання про локалізацію так званого «стародавнього Херсонеса», згаданого в «Географії» Страбона. В науковій літературі того часу висловлювалися різні версії локалізації даного укріплення на археологічних об'єктах в околицях Севастополя. Спочатку П. С. Паллас, а вслід за ним З. Аркас намагалися локалізувати «стародавній Херсонес» Страбона на мисі Херсонес на території Маячного півострова. Пізніше, Ф. К. Брун запропонував перене-

сти місце пошуків на ділянку берегової лінії між Георгієвськом монастирем та Балаклавою. З іменами Е. Р. фон Штерна та О. Л. Берт'є-Делагарда пов'язаний найгостріша дискусія на шпальтах «Записок» Товариства. Сучасні археологічні розкопки укріпленого поселення на перешійку Маячного півострова підтвердили, що пам'ятку заснували на початку IV ст. до н. е., як припускав О. Л. Берт'є-Делагард. Серед дослідників, що займаються вивченням цього об'єкта з 80х–90х рр. XX ст. до нашого часу, домінує гіпотеза, що укріплення на перешійку Маячного півострова було однією з фортець Херсонеса, як на початку XX ст. доказував Е. Р. фон Штерн.

S. G. Dem'yanchuk, V. A. Nessel'

**THE ROLE OF THE ODESSA SOCIETY FOR HISTORY AND ANTIQUITIES IN THE STUDY OF
“ANCIENT CHERSONESOS” (THE DISCOVERY AND INTERPRETATION OF THE ANCIENT
SETTLEMENT ON THE ISTHMUS OF THE MAYACHNYY PENINSULA)**

SUMMARY

The article deals with the discussion at the Odessa Society of History and Antiquities in the middle and the second half of the nineteenth century in connection with the early researches in Tauric Chersonesos and ancient sites in vicinity of it. The most acute discussion rose around the site of the so-called “ancient Chersonesos” referred to Strabo’s “Geography.” The scholarship of the period in question produced different localizations of the place-name in question at archaeological sites in the environs of Sevastopol. At first, P. S. Pallas and Z. Arkas after him tried to place “ancient Chersonesos” on cape Khersones in the Mayachnyy peninsula. Later on, F. K. Brun suggested to shift the search to the coastline area between St.

George’s monastery and Balaklava bay. The names of E. R. von Shtern and A. L. Berthier Delagarde are associated with the most acute discussion on the pages of the Society “Proceedings.” Modern archaeological excavations at the site of a fortified settlement on the isthmus of the Mayachnyy peninsula proved that the site had been established in the early fourth century BC, as A. L. Berthier Delagarde once supposed. The most popular among the researchers who have been studying the said site from the 1980s–1990s to these days is the hypothesis that the fort on the isthmus of the Mayachnyy peninsula had been among the castles of Chersonesos, as E. R. von Stern argued in the early twentieth century.